

Я помню себя на третьем курсе математического факультета, когда у нас появился очередной новый предмет — теория вероятностей. От старшекурсников мы уже усвоили его сокращенное название с проглатыванием буквы «о» — «тервер». Потом у нас будет «термех» — теоретическая механика. А пока мы на первом семинарском занятии получили список задачников по терверу, и я взял их в библиотеке. Штуки четыре.

Теория вероятностей, на мой взгляд, — особая математическая дисциплина, непохожая на другие. Она более тесно связана с практикой, собственно, из практики азартных игр эта наука и родилась. Объект ее исследования — случайное событие, цель — определить его вероятность.

В самих этих терминах уже содержится загадка. И было бы печально, если бы излишне формализованные учебники и задачники уничтожили элемент чуда, волшебства, который так важен именно в начале изучения предмета. Но мне повезло с задачниками, особенно с одним, по которому мы и занимались большую часть

времени. Назывался он — «Теория вероятностей» (из серии «Избранные главы высшей математики для инженеров и студентов вузов (Задачи и упражнения)»), авторы — Е. С. Вентцель, Л. А. Овчаров.

После тяжелых занятий по функциональному анализу, решения дифференциальных уравнений мы открывали задачник по терверу и решали задачи тоже непростые, но увлекательно сформулированные. Например, такую: «Уходя из квартиры, *N* гостей, имеющих одинаковые размеры обуви, надевают калоши в темноте. Каждый из них может отличить правую калошу от левой, но не может отличить свою от чужой. Найдите вероятности следующих событий: *A* — каждый гость наденет свои калоши; *B* — каждый гость наденет калоши, относящиеся к одной паре (может быть и не свои)».

А потом я купил учебник Е. С. Вентцель «Теория вероятностей». Тогда я уже работал на кафедре ассистентом, и мне посоветовали прочесть книгу «Кафедра» И. Грековой. И было мне невдомек, что автор моего любимого учебника и И. Грекова — один и тот же человек.

Елена Сергеевна Вентцель родилась 21 марта 1907 года в Ревеле (Таллин) и жила там с родителями до 1913 года, до переезда в Санкт-Петербург. Я думаю, что город детства описывается ею в повести «Фазан»:

«...переехав из шумного мрачного Ленинграда в этот спокойный прибалтийский город, где родился, где провел раннее детство. А что может быть лучше на свете, чем раннее детство?»

Он любил этот город с его никуда не спешащими пешеходами; любил идилических голубей и белок <...>

Федор Филатович еще с раннего, молочного детства любил это мелкое, серое, линеее море с далеко уходящими валунами, с парусами рыбацких лодок. Каждый раз он с удовольствием глядел в свое широкое, горизонтально вытянутое окно. Далеко справа виднелся порт, где медленно, церемонно,

как танцующие журавли, разворачивались погрузочные краны».

Отец Елены Сергеевны, Сергей Федорович Долгинцев, происходил из купеческой семьи. Получив университетское образование, преподавал математику в старших классах гимназии. Он был незаурядным человеком с разносторонними увлечениями, выдающимся педагогом. Елена Сергеевна писала, что лишь в слабой мере унаследовала от него педагогический талант. Не имея возможности заниматься наукой, отец страстно хотел, чтобы хотя бы кто-то из троих детей сделал научную карьеру. Два брата Елены Сергеевны оказались не склонны к изучению математики, тогда Сергей Федорович все внимание сосредоточил на дочери. Он занимался с ней высшей математикой с семи-восьми лет, считая, что высшая математика проще для изучения, чем элементарная.

Мать, Ольга Дмитриевна, работала учительницей в начальной школе, а после рождения детей целиком была поглощена заботами о них и домашними делами. Особенно это стало важно в тяжелые послереволюционные годы.

Семья была дружная. Все любили читать и что-то писали. Елена Сергеевна еще до школы, в пять-шесть лет, начала свои литературные опыты.

О семейных играх, литературном сочинительстве, домашнем театре, как это было принято в семье Долгинцевых, мы потом прочтем в книгах И. Грековой: в описании детства профессора Завалишина («Кафедра»), Федора Азанчевского («Фазан»).

Елена Сергеевна была очень целеустремленной девочкой. Из автобиографических фрагментов, опубликованных в сборнике к столетию со дня ее рождения: «...Главной целью, главной задачей всей моей жизни было доказать, что мы, женщины, — не хуже мужчин. Началось это еще в раннем детстве. “Почему, ну почему я не мальчик?” — эта нота звучала во мне постоянно, с четырех-пяти лет. И в дальнейшей жизни — тоже. Я любила “мальчишеские” игры — ружья, луки, духовые пистолеты. Прицеливаться, нажать и попасть! — вот что было моим идеалом».

Школьные годы Елены Сергеевны прошли уже в Петрограде. Она училась в одной школе с Дмитрием Шостаковичем, на класс младше. Окончив в 1923 году шко-

лу, поступила на физико-математический факультет Петроградского (позже Ленинградского) государственного университета. Учеба в университете — один из светлейших периодов жизни Елены Сергеевны. Она пишет об ощущении раскрепощенности и счастья молодости, о своих Учителях. А ими были знаменитые Г. М. Фихтенгольц, Н. Н. Гернет (ученица Давида Гильберта, вторая в России после Софьи Ковалевской женщина-математик с ученой степенью доктора наук), И. М. Виноградов.

В 1929 году Елена Сергеевна получила университетский диплом математика с правом преподавания в средней и высшей школе. В этом же году вышла замуж за преподавателя Артиллерийской академии Димитрия Александровича Вентцеля (1898–1955), будущего выдающегося ученого в области баллистики, автора классических учебников по этой науке.

Его можно узнать в образе генерал-майора Сиверса из повести «На испытаниях». Это был благородный человек, выходец из дворянской семьи. Он был энциклопедически образован, казалось, что знает он абсолютно все. Память его была феноменальна. Димитрий Александрович свободно владел пятью языками и еще на четырех читал.

Об этой семейной паре ходила масса легенд среди слушателей и преподавателей Военно-воздушной инженерной академии (позднее им. Н. Е. Жуковского) в Москве, куда они переехали в 1935 году.

«Как рассказывал Е. В. Золотов (прототип «Мегатонны» из рассказа И. Грековой «За проходной». — Ю. П.), однажды летом Е. С. и Д. А. отдыхали в военном санатории в Крыму. Их соседом за столиком в столовой оказался летчик. Герой Советского Союза. Свою звездочку Героя он прицепил к пляжному пижаме и так ходил с нею и в столовую, и на пляж. Ночью в палате Вентцелей долго горел свет. Д. А. Вентцель старательно пришивал генеральские лампасы к своим пляжным трусам. Утром, повстречавшись со своим знакомым летчиком на пляже и заметив его недоуменный взгляд на пляжные трусы с генеральскими лампасами, Д. А. Вентцель охотно объяснил: “Не каждый же на пляже знает, что я генерал. Вот я и решил помочь таким незнающим”. Летчик весело рассмеялся, тут же снял свою звездочку Героя с пижамы, а Д. А. спрятал подальше свои генеральские трусы. И отношения всех троих весь отпуск были превосходными»

(Е. С. Вентцель — И. Грекова. К столетию со дня рождения: Сборник. М.: Издательский дом «Юность», 2007.).

В течение тридцати трех лет научная и преподавательская деятельность Елены Сергеевны Вентцель проходила в стенах академии. А уход оттуда связан с упомянутой повестью «На испытаниях».

Она вышла в свет в журнале «Новый мир» в 1967 году и была посвящена хорошо знакомой Елене Сергеевне жизни военных на испытательном полигоне. Причем автор с большой симпатией описывала своих героев. И, как чаще всего бывает в ее книгах, они имели реальных прототипов, с которыми Елена Сергеевна дружила.

Однако кто-то из партийных начальников обвинил ее в очернении образа советского офицера, и в разных изданиях появились негативные рецензии на повесть с обвинениями в идейной порочности, художественной слабости и клевете на Вооруженные силы. И началась проработка.

Но в 1968 году уже можно было обратиться за поддержкой к литературной общественности. И писатели с критиками, и офицеры-ученые защитили ее от обвинений военных политработников.

О том, как себя чувствовала автор повести на «проработке» в Союзе писателей, можно прочесть в рассказах «Без улыбок» и отчасти в «В вагоне».

Несмотря на подавляющий перевес положительных оценок повести, художественные произведения Елены Сергеевны печатать перестали. Но это ее не слишком огорчало, ведь у нее был и другой вид деятельности.

Правда, в академии им. Н. Е. Жуковского политруководство стало давить на Елену Сергеевну и ее коллег перед очередным конкурсом на право занятия должности профессора. Но профессора Вентцель избрали на следующий пятилетний срок. После чего она подала заявление об увольнении. И перешла работать на кафедру вычислительной математики Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

Про жизнь этой кафедры Елена Сергеевна написала в романе «Пороги». А повесть «Кафедра», наверно, единственное произведение этого автора, в котором действуют обобщенные герои, не имеющие конкретных прототипов. Есть замечательный фильм 1982 года, поставленный по этой повести.

Его мало кто знает. Зато фильм Станислава Говорухина «Благословите женщину» (2003) до сих пор пользуется популярностью. Поставлен он по повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы».

Удивительным образом Елена Сергеевна умела описывать жизнь людей такой, какой она являлась на самом деле, без идеализации и драматизации, четко и немногословно. Не пускаясь в философские рассуждения и не разделяя своих героев на хороших и плохих. В итоге жизнь каждого ее героя оказывается значимой, важной. Из бытовых подробностей исподволь, сам собой проявлялся глубинный смысл — главное в человеке и в жизни. Она и в своей жизни безошибочно определяла главное и неглавное.

И. Грекова — универсальный бытописатель своего времени, язык которого понятен всем. Точно так же учебники Е. С. Вентцель универсальны — понятны и начинающему, и полезны опытному специалисту — это примеры идеальных учебников, сочетающих глубину математических знаний с образцовым изложением материала.

Причем она всегда и в науке, и в художественной литературе шла от жизни. Ее повести и рассказы рождались из случайных встреч, услышанных разговоров, историй жизни ее друзей и знакомых. Она умела видеть и слышать.

Тем не менее читатели легко находили «прототипов» из произведений И. Грековой в своем ближайшем окружении.

Елена Сергеевна считала, что не стоит преувеличивать значимость художественного замысла автора: писатель зачастую не может сказать, почему он написал так, а не иначе. Герои, постепенно обретая форму, сами диктуют автору, что и как писать. А подробности и детали, коими насыщена любая книга, в большинстве своем случайны вообще. Именно в комбинации случайного с организованным Елена Сергеевна видела одну из прелестей искусства в целом.

У И. Грековой есть два очень тяжелых, эмоционально тяжелых произведения: повесть «Вдовый пароход» и рассказ «Хозяева жизни» (предполагаю, что еще непрочитанный мною роман «Свежо предание» относится к этой же категории).

В повести «Вдовый пароход» речь идет о военной и послевоенной жизни в коммунальной квартире женщин-вдов — отсюда и название книги. Их горькая, нищая,

одинокая жизнь проходит в этой квартире, в замкнутом мире, где они — команда заброшенного, но куда-то плывущего парохода. У них настоящие «коммунальные» взаимоотношения: подобие дружбы переходит во вражду и обратно, заключаются союзы, проходят «коммунальные» войны. Но бывает, что прорываются настоящие, живые человеческие чувства.

Наверно, единственные однозначно светлые моменты повести связаны с работой двух героинь, жительниц «парохода», с малышами-сиротами в доме ребенка.

А в их доме-«пароходе» нет любви, есть ежедневная борьба за свою правду, свою справедливость до иступления. Иступленная материнская любовь одной из них в итоге убивает и ее саму и калечит душу сыну. Иступленная правота, иступленная в своей правоте любовь... «Мне тогда казалось, что я кругом права. Какое жестокое заблуждение! Упаси меня, боже, от правоты. Правый человек слеп, правый человек глух, правый человек — убийца» — так думает героиня, от лица которой ведется повествование, так, очевидно, полагает и автор.

В 1989 году Генриеттой Яновской в театре им. Моссовета поставлен спектакль «Вдовый пароход», в 2010 году по мотивам повести был снят одноименный фильм, до этого был спектакль в Вильнюсском русском драматическом театре. А сейчас «Вдовый пароход» идет в Учебном театре ГИТИСа.

После «Вдовьего парохода» Елена Сергеевна пишет «Хозяйку гостиницы». «Насчет “Хозяйки” могу рассказать Вам историю ее возникновения. Перед нею я написала очень горькую, очень трудную вещь — “Вдовый пароход”, которая до сих пор не напечатана. Несколько журналов брали эту повесть — и под теми или другими предлогами возвращали ее. “Хозяйка” была написана вскоре после “Вдовьего парохода”, для меня самой, чтобы разрушить тот трудный и страшный мир, который во мне самой был создан предыдущей повестью. Именно отсюда — некий “воинствующий оптимизм” моей “Хозяйки”, и понять ее полностью нельзя, не читав “Парохода”. Я все-таки думаю, что, несмотря на все мытарства, после моей смерти “Пароход” будет опубликован» (1976 год; из книги «Е. С. Вентцель — И. Грекова. К столетию со дня рождения: Сборник». М.: Издательский дом «Юность», 2007.). «Вдовый пароход» был впервые на-

печатан при жизни автора — в 1981 году в журнале «Новый мир».

Рассказ «Хозяева жизни» из всех опубликованных произведений был написан первым — в 1960 году, напечатан только в 1988-м. Здесь практически документальное повествование о встрече в поезде с человеком, попавшим в так называемый «кировский набор». И вся его жизнь оказалась перемолотой им. Из рассказа: «Вы понимаете, я кировского набора. Не понимаете? Да, вы же не ленинградка. “Кировским набором” у нас называли тех, кого из Ленинграда выслали в тридцать пятом году, после убийства Кирова. Сколько тогда выслали народу — никто в точности не знает. Только наверняка очень много. Многие тысячи. А нам казалось — всех. Ведь каждый из нас живет в довольно замкнутом мире, и ему кажется, что этот мир — все. Высылали, конечно, не всех, а главным образом интеллигенцию. А пуще всего — старую, потомственную интеллигенцию, с крепкими ленинградскими корнями. Рвали с корнем. Всех наших друзей выслали. И нас с Ниной — тоже. Пришли однажды ночью, отобрали паспорта, приказали через два дня выехать в Казахстан. Даже село, куда ехать, в точности обозначили. Там тогда не целина была, а сплошная дикость. Нина была беременна на восьмом месяце, и я пошел к одному — черт его знает, кто он был по должности, — от которого мы зависели, и очень просил, чтобы нам разрешили остаться до родов. Очень хорошо помню, как он меня принял. Я ему: “Ведь мы же ни в чем не виноваты”. А он: “Вас никто ни в чем и не обвиняет. Вы высылаетесь в порядке массового оздоровительного мероприятия. Ничего для вас не могу сделать”. А сам смеется особым таким смехом, беззвучно, — знаете, как собаки смеются: открыл рот и дрожит языком. Тут я понял, что говорить ему что-нибудь бесполезно. Пошел домой, и стали мы собираться».

И окончание рассказа:

«Он кончил рассказывать и добавил:

— Да, хозяева жизни. Не видал я, в сущности, хозяев жизни. Разве что Татьяна. Но она не в счет. Что это за хозяйка — спекулянтка. А как вы думаете, есть ли они где-нибудь — настоящие хозяева жизни?

— Должны быть, — ответила я».

Первый опубликованный рассказ — «За проходной», написанный в 1961 году и посвященный создателям первых космических

ракет. Напечатан он был Твардовским в «Новом мире» в 1962 году. Елена Сергеевна написала его с вполне конкретной целью — живо показать подруге, известному публицисту и писателю Фриде Вигдоровой, чем занимаются ученые, и начинать печататься вообще не планировала, считая этот рассказ незатейливым, домашним, который впоследствии называла «лакировочным». А Фрида Вигдорова принесла его в редакцию журнала. Александр Трифонович Твардовский, главный редактор «Нового мира», написал на рукописи рассказа: «Автора нужно иметь в виду на будущее. У него есть перо».

По мотивам «За проходной» И. Грековой вместе с Александром Галичем была написана пьеса «Будни и праздники», которая с успехом шла во МХАТе и была снята с репертуара, когда началась опала Галича.

Елена Сергеевна очень переживала из-за всей этой истории. Но у нее было главное дело жизни — математика. Было трое детей: дочь и старший сын тоже стали математиками, младший сын был военным инженером-радиотехником. В книгах И. Грековой у ее героинь женщин-ученых чаще всего два сына, с которыми у матерей крепкая веселая дружба, — первым делом вспоминается «Дамский мастер». Ее дочь Татьяна — в рассказе «Под фонарем». Надо полагать, взаимоотношения с детьми тоже списывались с реальных отношений, которые были приняты в их семье, характеры «книжных» детей похожи на характеры ее детей.

Елена Сергеевна успела «подружить» с двумя внучками и двумя внуками, при ней родились две правнучки и четверо правнуков.

Она вместе с внуками сочиняла и ставила пьесы, выдумывала для них

удивительные игры, рассказывала придуманные ею сказки. Даже составила для детей книгу «Сказки дикой бабушки» (название идет от высказывания Маршака: «Бабушки бывают домашние и дикие. Домашние сидят дома и нянчат внуков, а дикие бегают по редакциям»). Книжка не была напечатана в силу довольно специфических героев и сюжетов, например, действующее лицо — Крыс-Одинец или заглавия сказок — «Крыса-страдалица», «Кошка в неизвестности».

Однако, когда взрослые книги И. Грековой не печатали после истории с повестью «На испытаниях», были опубликованы в издательстве «Детская литература» книга стихов «Сережка у окна» (1976) и небольшая повесть «Аня и Маня» (1978) про двух девочек в детском саду. Сережа, Аня и Маня — внуки Елены Сергеевны. И здесь она верна правде жизни.

Умерла Елена Сергеевна Вентцель шестнадцать лет назад, 15 апреля 2002 года.

Она с самого начала хотела четко разграничить математику и литературу: ученый-математик и преподаватель — это один человек, писатель — другой. И когда встал вопрос о ее первой публикации, вся семья Елены Сергеевны ломала голову над псевдонимом: Еленина, Еленская? Дочь Татьяна вспомнила Елену Троянскую — предложила «Елену Грекову». Это и натолкнуло Елену Сергеевну на замечательный вариант — «Игрекова». Она ставила ударение в слове «игрек» на второй слог (исконный французский вариант, от «и греческое»), и отделила букву «И» точкой.

Слово «игрек» в русском языке обозначает неизвестную величину, значение которой надо вычислить.

